



ГЛАВА 9 ПРИРОДА В «СЛОВЕ»

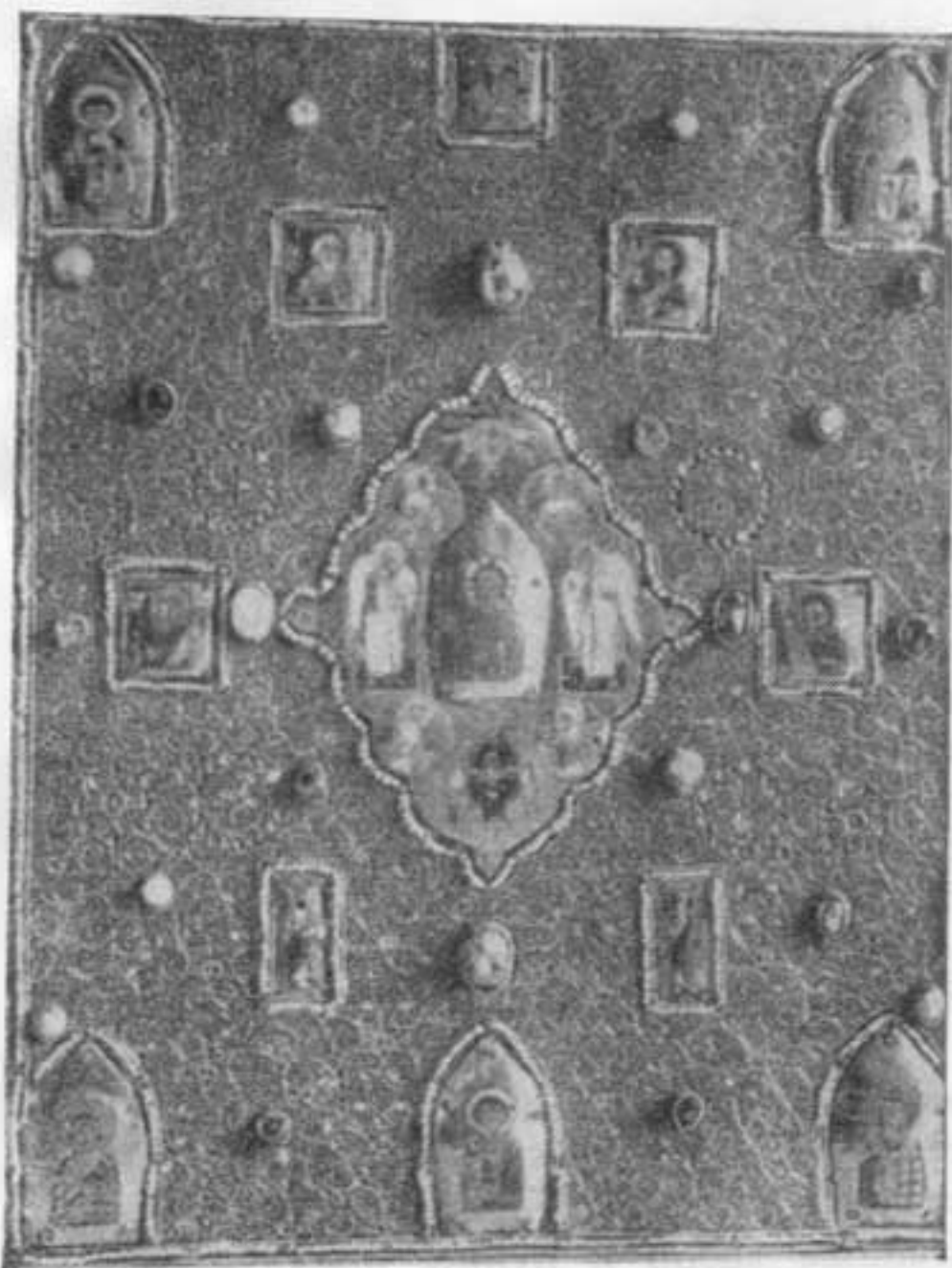
Древнерусские авторы не стремятся описывать картины природы, изображать ее статические состояния, спокойные пейзажи. Древнерусские авторы не знают того, что мы называем «литературным пейзажем» и что так хорошо известно нам по произведениям Тургенева, Гончарова и других великих русских реалистов. Древнерусские авторы уделяют природе немного внимания и только тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбой действующих лиц повествования, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в засухе, в затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражающимся, в жаре, истомляющей воинов, и т. д. и т. п. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повествования. В тех немногих случаях, когда природа присутствует в древнерусских произведениях, она играет в них прямую, а не косвенную роль, она «событийна», описываются только ее изменения, ее влияние на человека, она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета. Средневековые русские писатели как бы еще не осознают самостоятельной ценности картинных описаний статической природы для литературы.

Хотя природа занимает исключительно большое место в «Слове о полку Игореве», но роль ее, по существу, та же. В «Слове» нет пейзажа самого по себе. Природа воспринимается автором «Сло-

ва» только в ее изменениях, в ее действиях, в ее жизни. Природа в «Слове» введена в события. Она участвует в них, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активна и в этой своей активности наделяется почти человеческими качествами. Она сочувствует русским, стремится предупредить их об опасности, помогает Игорю в его бегстве из плена; у нее ищет сочувствия и помощи Ярославна.

Когда Игорь двинулся в свой несчастный поход, свет солнца померк; ночь, «стонущая грозою», стремится остановить Игоря на его гибельном пути. Даже степные звери и птицы предчувствуют поражение русских. Вместе с половцами надвигаются от моря на войско Игоря синие тучи. Битва с половцами переносится и в природу, приобретает черты борьбы силы зла с силой добра во всей природе. Трава и деревья отзываются на поражение русских: трава никнет, деревья от горя приклоняются до земли или роняют листву. Автор «Слова» отмечает те изменения в природе, которые вызываются в ней ходом человеческой истории. Междоусобные войны Олега приводят к запустению пашен. В судьбах русского народа принимают участие и реки, то зовущие князя Игоря на победу, то сочувствующие и помогающие ему, то «затворяющие» в своих струях юношу князя Ростислава.

Между природой и человеком стираются границы. Образ Обиды — девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов стоят где-то между природой и людьми. Люди постоянно сравнивают



Оклад Мстиславова Евангелия. Серебро, ткань, эмаль. XII в.

ся и с птицами и со зверями: с турами, соколами, галками, воронами, «лютым зверем», кукушкой и т. д. и т. п. Игорь вступает в разговор с Донцом и получает от него помощь. Ярославна ищет помощи у ветра, солнца и Днепра.

Трудно назвать другое какое-либо произведение, в котором события жизни людей и изменения в природе были бы так тесно слиты. И это слияние, единство людей и природы, усиливает значительность происходящего, усиливает драматизм. Все события русской истории получают резонанс в русской природе и тем самым оказываются удесятеренными в силе своего звучания.

Союз природы и человека, с такой силой развернутый в «Слове», — союз поэтический. Природа для автора «Слова» — гигантский резервуар поэтических средств и своеобразное «музыкальное сопровождение», придающее особенно сильное лирическое звучание его действию.

В привлечении русской природы как действующего лица своего повествования автор «Слова» проявил себя исключительно наблюдательным знатоком природы. Вот почему в самой русской природе можно найти довольно точный комментарий ко многим неясным и темным местам «Слова». Приведу некоторые толкования отдельных мест «Слова», предложенные советскими природоведами.

«Внимательный наблюдатель природы, — пишет проф. Н. В. Шарлемань, — автор «Слова» с изумительной точностью передает своеобразный характер звуков, издаваемых животными — зверями и птицами. Лебедь у него «пояше» или, будучи испугнутым, «крычит»; соловей «ущекотал», его пение — «щекот»; орлы «клектом зовут», дятлы «тектотом путь кажут»; вороны «гряхуть»; галки «говоряхуть», их крик — «говор»; зегзица «кычет»; сороки «троскоташа»; кони «ржут»; степные зверьки, байбаки и суслики, издают свист; лисицы «брешут»; туры «рыкают»¹. Точность наблюдения природы и богатство языка здесь неразрывны. Жизненный опыт автора «Слова» непосредственно связан с его искусством художника.

В этой же своей работе Н. В. Шарлемань дает интересные объяснения отдельных мест «Слова». Когда Игорь ведет свои войска к Дону навстречу гибельной для него опасности, автор «Слова»

¹ Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — «ТОДРА», т. VI. М., 1948, с. 123.

замечает: «Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию», т. е. беды (будущее поражение Игоря) собирают вокруг него птицъ по дубам. Действительно, хищные птицы обычно летели в те времена за войсками, поджидая добычу. Войско Игоря двигалось медленнее птиц, которые останавливались на отдых в дубравах недалеко от войска.

Знание повадок соколов сказывается и в следующих словах Святослава: «Колѣ соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду». Выражение «въ мытехъ» и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников, — пишет Н. В. Шарлемань. — Этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, то есть достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута»¹.

Целую драматическую картину рисует и выражение автора «Слова» «дружину твою, княже птицъ крылы приодѣ»: хищные птицы (орлан-белохвост, гриф), садясь на трупы убитых, как бы «приодевают» их своими распущенными мощными крыльями, с тем чтобы не допустить к своей добыче других хищников.

О точности и правдивости образов «Слова» свидетельствует и определение берегов Донца как «серебряных». Действительно, Донец несет в своих водах много взмученного мела (он прорезывает на своем пути меловые горы Артема). Летом, когда берега Донца обмелевают, отложения этого мела на отмелях и косах блестят, как серебряные.

Наблюдательность автора «Слова» особенно ярко проявляется в описании бегства Игоря из плена. Игорь хвалит

Донец за то, что тот сторожил его «гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ». Действительно, Игорю приходилось бежать главным образом ночью, а днем скрываться в густых зарослях степных рек. О погоне его предупреждали чуткие к приближению человека гоголи, чайки и черняди. По их поведению Игорь мог судить о том, все ли кругом спокойно.

Знание степной природы сказывается и там, где автор «Слова» говорит, что дятлы «тѣктом» указывали Игорю путь к реке. Степную реку, запрятавшуюся в глубокой долине, издали не видно, не видно и деревьев, растущих в степи только по берегам рек, но на присутствие деревьев, а следовательно и реки, Игорю указывал далеко слышимый в степи «тѣкт» дятлов.

Можно было бы значительно увеличить количество примеров, доказывающих глубокое знание автором «Слова» степной природы. Автор «Слова» не дал нам законченного описания степной природы, но он рассеял в своем произведении такое количество отдельных наблюдений, что они легко могут быть сложены в единую, цельную, картину.

Вот как описывает половецкую степь на основании «Слова» акад. А. С. Орлов: «Степь эта представляла собой равнину, усеянную то «яругами» (оврагами), то «шеломеньми» (холмами, курганами, природными и насыпными) и поднятую кое-где ответвлением горных кряжей. Через степь неслись из Руси «на полѣдне» «великие» реки и вливались своими «жерелы» (устьями) в «синее море», пересекши «поля широкая» и пробив «каменные горы». Были в степи и болота, «грязивые места», и поле «безводное». Черноземная степь весной покрывалась травами и цветами, седым ковылем, по которому

¹ Из реального комментария к «Слову о волку Игореве». — «ТОДРЛ», т. VI. М., 1948, с. 112.

развевалась радость Ярославны, и душистой полынью, запахом которой половецкий хан манил вернуться на родину своего брата, бежавшего на Кавказ от грозы Владимира Мономаха. Эти травы питали скот кочевников, «кони, овцы и вельблуды», их топтали и волновали («въшумѣ трава») «вежи», «телеги» половецкие, которые скрипели, «кричали», как «лебеди распужени». Степные травы то мирно покрывались «студеной росой», которую стряхивал («трусил») волк на бегу, то поливались кровью и посыпались прахом боевых столкновений, когда обнажалась «чръна земля под копыты». Пересекалась степь проторенными искони караванными «путями», о которых упоминал в 1170 году Мстислав

Изяславич Киевский, жалуясь на половцев, что они «уже у нас и Гречьский путь изъотимають, и Соляный и Залозный». Движение шло и «неготовыми дорогами». Степные «поля широкая» с лесистыми яругами и реки, текшие в «серебрехх брезех» под сенью «зелену древу», окруженные «лугами» и заросшие «тростием» (тростником, камышом), были полны зверями и птицами, от большинства которых, как насельников степи, сохранились одни названия или глухие упоминания¹.

Живая картина старой половецкой степи, донесенная до нас в составе «Слова», — яркое свидетельство, что «Слово» составлено ее очевидцем, может быть участником степного пути Игоря.

¹ Акад. Орлов А. С. «Слово о полку Игореве», 2-е изд. М.—Л., 1946, с. 13—14.

